

Роберт Рождественский

ЛУЧШИЕ СТИХИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Серия «*Эксклюзивная новая классика*»

Рождественский, Р. И.

Р62 Лучшие стихи. Роберт Рождественский —
М. : Издательство АСТ, 2016. — 352 с., ил.
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-094951-9

Перед вами — сборник лирики, статей и черновых записей Роберта Рождественского (1932–1994), одного из плеяды «шестидесятников», поэтов «оттепели», переживших свою страну.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Подписано в печать 13.01.2016.
Формат 70x100/32. Усл. печ. л. 12,87
Тираж экз. Заказ №
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ».
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, комната 5
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Литературно-художественное издание

Роберт Иванович Рождественский

ЛУЧШИЕ СТИХИ

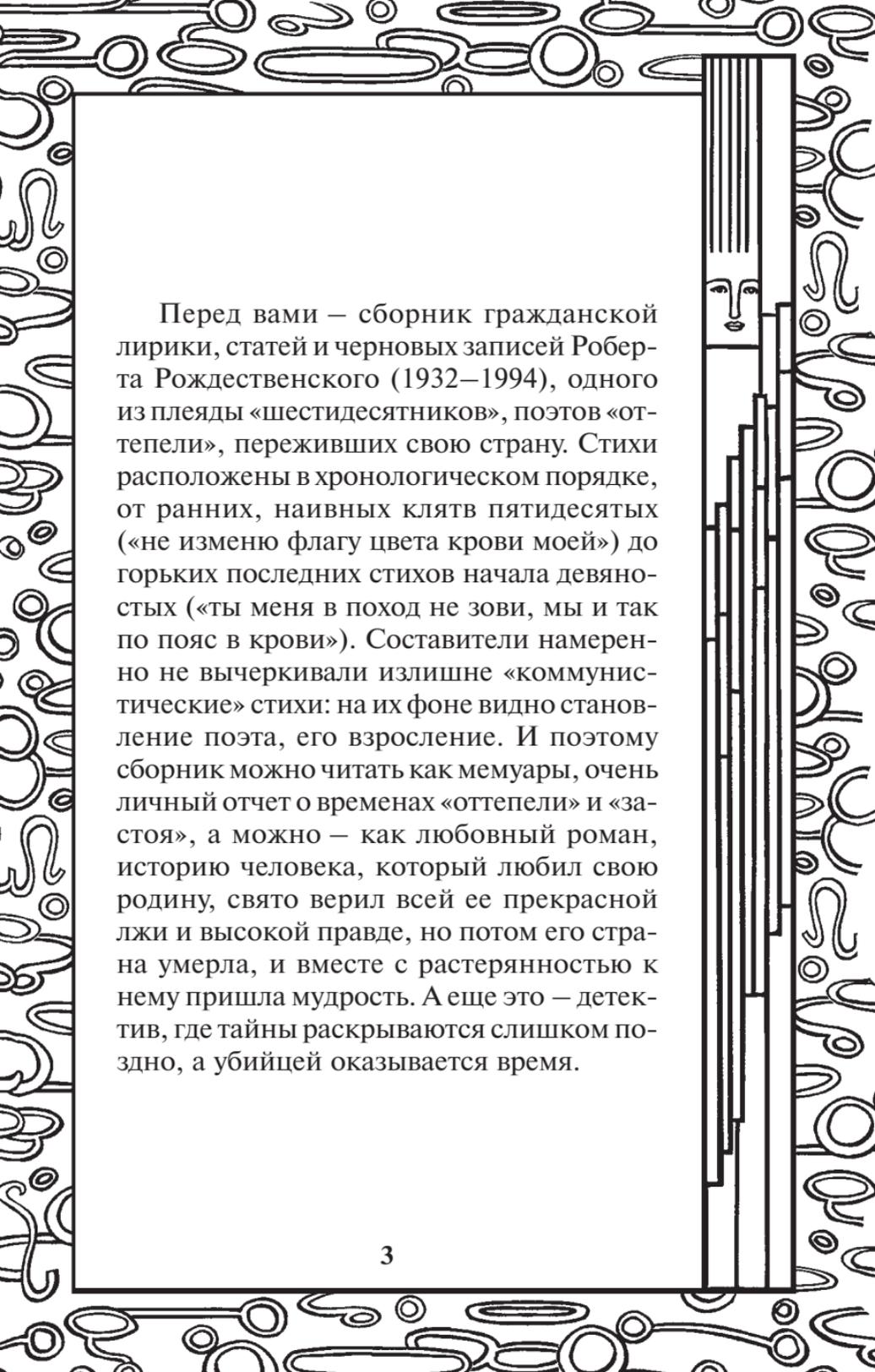
Ведущий редактор *М. П. Николаева*
Корректор *И. Н. Мокина*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Компьютерная верстка *И. А. Ильиной*

© Рождественский Р. И. (на-
следники), 2016

ISBN 978-5-17-094951-9

(ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Аст-
рель», 2016

Перед вами – сборник гражданской лирики, статей и черновых записей Роберта Рождественского (1932–1994), одного из плеяды «шестидесятников», поэтов «оттепели», переживших свою страну. Стихи расположены в хронологическом порядке, от ранних, наивных клятв пятидесятых («не изменю флагу цвета крови моей») до горьких последних стихов начала девяностых («ты меня в поход не зови, мы и так по пояс в крови»). Составители намеренно не вычеркивали излишне «коммунистические» стихи: на их фоне видно становление поэта, его взросление. И поэтому сборник можно читать как мемуары, очень личный отчет о временах «оттепели» и «застоя», а можно – как любовный роман, историю человека, который любил свою родину, свято верил всей ее прекрасной лжи и высокой правде, но потом его страна умерла, и вместе с растерянностью к нему пришла мудрость. А еще это – детектив, где тайны раскрываются слишком поздно, а убийцей оказывается время.

* * *

Нахожусь ли в дальних краях,
ненавижу или люблю, —
от большого,
от главного
я —
четвергуйте —
не отступлю.
Расстреляйте —
не изменю
флагу
цвета крови моей.

Эту веру я свято храню
девять тысяч
нелегких дней.
С первым вздохом,
с первым глотком
материнского молока
эта вера со мной.

И пока
я с дорожным ветром
знаком,
и пока, не сгибаясь,
хожу
по не ставшей пухом земле,
и пока я помню о зле,
и пока с друзьями дружу,
и пока не сгорел в огне,
эта вера
будет жива.

Чтоб ее уничтожить во мне,
надо сердце убить
сперва.

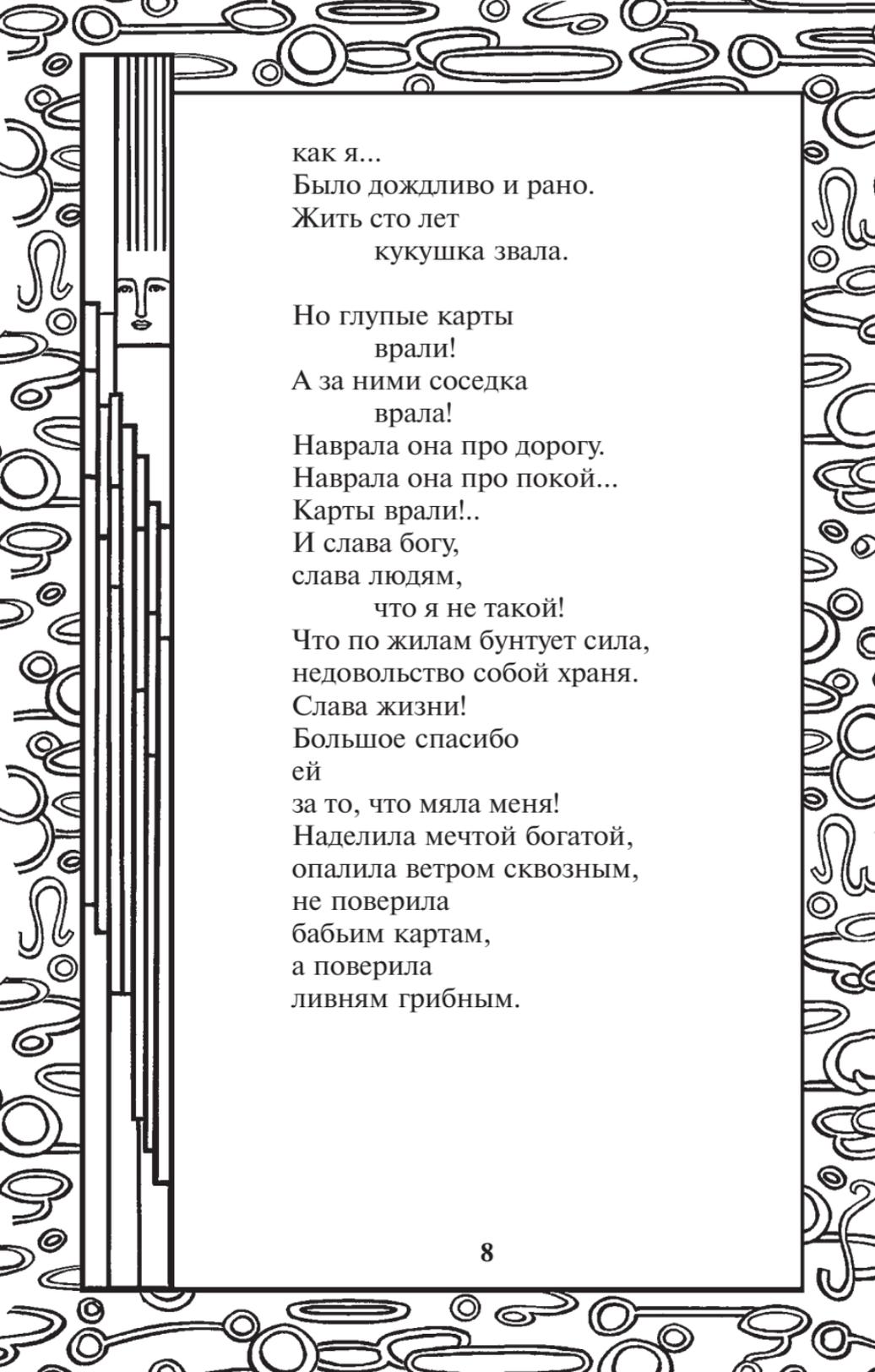

НАЧАЛО

* * *

Я родился —
    нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
    что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
    смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,
    мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
    с бубновой дамой,
такой же смирной,

как я...
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.

Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой...
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Надела мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

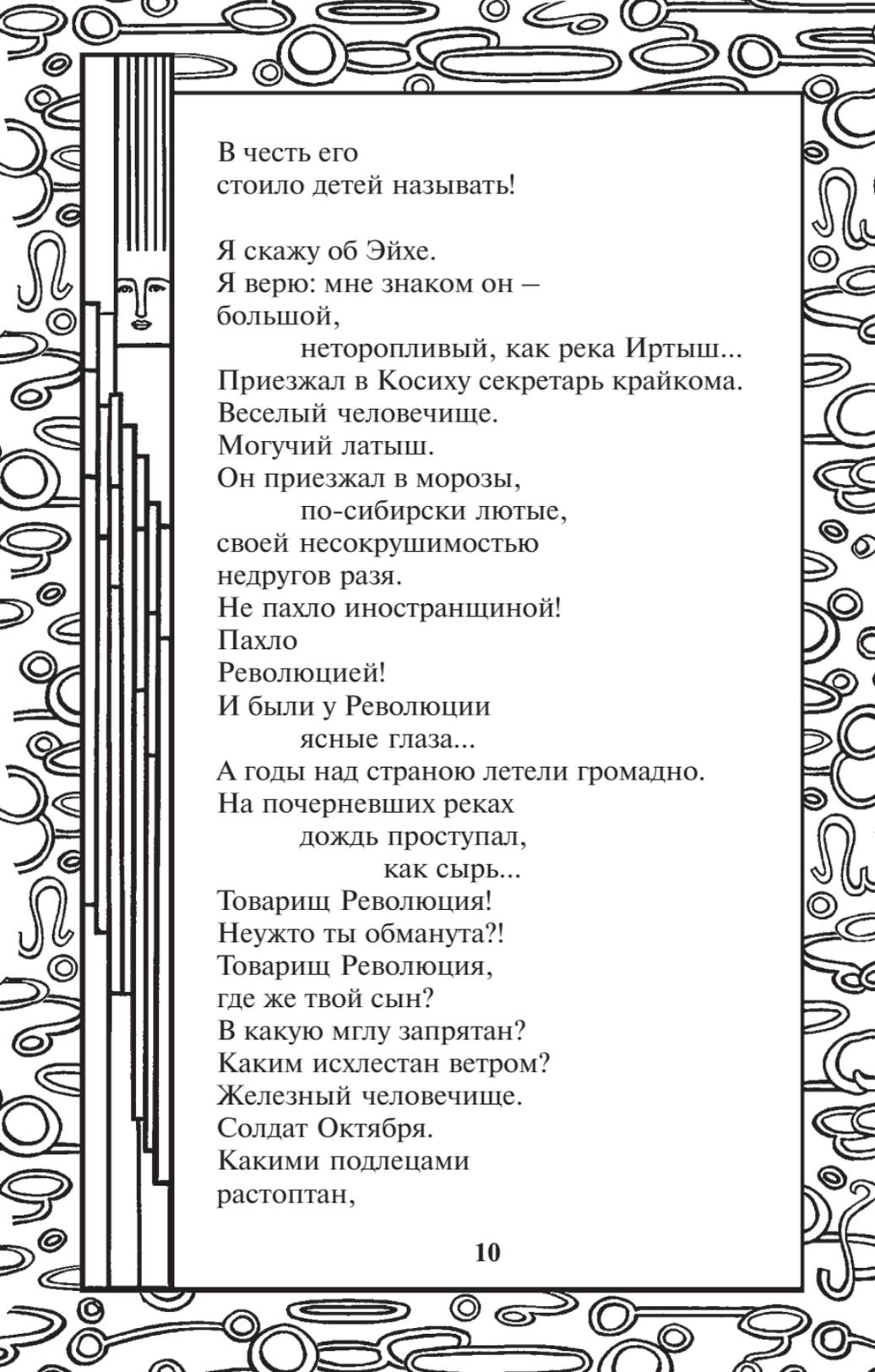
СТИХИ О МОЕМ ИМЕНИ

Ояру Ваццетису

Мне говорят:
«Послушайте,
упрямитесь чего вам?
Пришла пора исправить ошибки отцов.
Перемените имя.
Станьте Родионом.
Или же Романом, в конце концов...»
Мне это повторяют..

А у меня на родине
в начале тридцатых
        в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спеленатых,
        розовых,
                орущих парней...
Кулацкие обрезы ухаи страшно.
Кружилась над Алтаем рыжая листва...
Мне шепчут:
«Имя Роберт
        пахнет иностранщиной...»
А я усмехаюсь на эти слова.

Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
        о Роберте Эйхе!

В честь его
стоило детей называть!

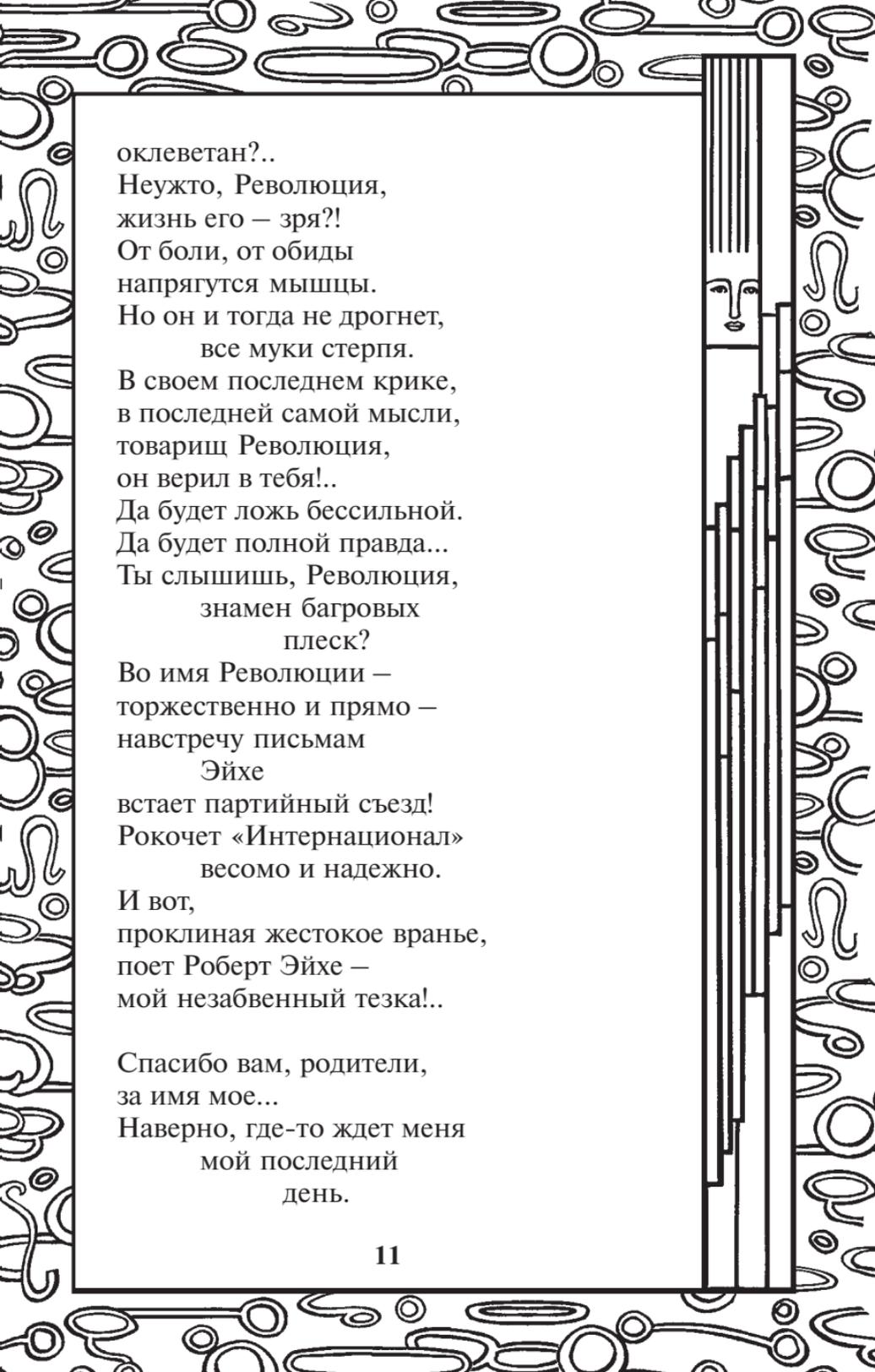
Я скажу об Эйхе.
Я верю: мне знаком он —
большой,

неторопливый, как река Иртыш...
Приезжал в Косиху секретарь крайкома.
Веселый человечиче.
Могучий латыш.
Он приезжал в морозы,
по-сибирски лютые,
своей несокрушимостью
недругов разя.

Не пахло иностранщиной!
Пахло
Революцией!
И были у Революции
ясные глаза...

А годы над страной летели громадно.
На почерневших реках
дождь проступал,
как сырь...

Товарищ Революция!
Неужто ты обманута?!
Товарищ Революция,
где же твой сын?
В какую мглу запрятан?
Каким исхлестан ветром?
Железный человечиче.
Солдат Октября.
Какими подлецами
растоптан,

оклеветан?..
Неужто, Революция,
жизнь его – зря?!
От боли, от обиды
напрягутся мышцы.
Но он и тогда не дрогнет,
все муки стерпя.
В своем последнем крике,
в последней самой мысли,
товарищ Революция,
он верил в тебя!..
Да будет ложь бессильной.
Да будет полной правда...
Ты слышишь, Революция,
знамен багровых
плеск?
Во имя Революции –
торжественно и прямо –
навстречу письмам
Эйхе
встает партийный съезд!
Рокочет «Интернационал»
весомо и надежно.
И вот,
проклиная жестокое вранье,
поет Роберт Эйхе –
мой незабвенный тезка!..

Спасибо вам, родители,
за имя мое...
Наверно, где-то ждет меня
мой последний
день.

Кипят снега над степью.
Зубасто встали надолбы...

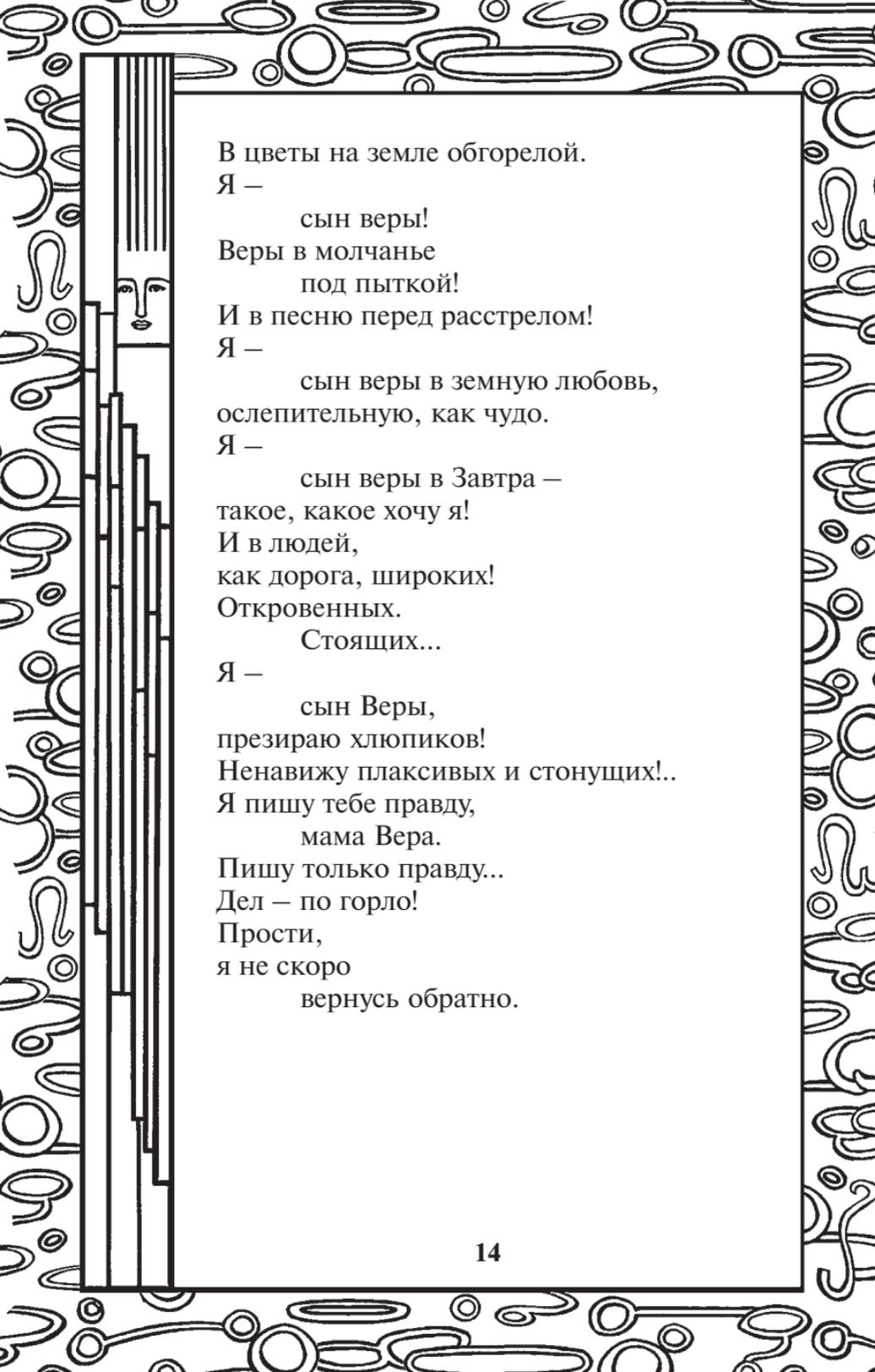
Несем мы имена
удивительных людей.
Не уронить бы!
Не запятнать бы!

СЫН ВЕРЫ

Я –
сын Веры...
Я давно не писал тебе писем,
Вера Павловна.
Унесли меня ветры,
напевали мне ветры
то нахально,
то грозно,
то жалобно.

Я – сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Мама Вера...
Ты меня на вокзалах пустых обнимала,
мама Вера.
Я –
сын Веры.
Непутевого сына
ждала обратно
мама Вера...
И просила в письмах
писать только правду
мама Вера...
Я –
сын Веры!
Веры не в бога,
не в ангелов, не в загробные штуки!
Я –
сын веры в солнце,
которое хлещет
сквозь рваные тучи!
Я –
сын веры в труд человека.

В цветы на земле обгорелой.

Я –

сын веры!

Веры в молчанье

под пыткой!

И в песню перед расстрелом!

Я –

сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.

Я –

сын веры в Завтра –
такое, какое хочу я!

И в людей,

как дорога, широких!

Откровенных.

Стоящих...

Я –

сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..

Я пишу тебе правду,
мама Вера.

Пишу только правду...

Дел – по горло!

Прости,

я не скоро

вернусь обратно.

***

Та зима была, будто война, —
лютой.

Пробуравлена,
прокалена ветром.
Снег лежал,

навалясь на январь грудой.

И кряхтели дома под его весом.

По щербатому полу мороз крался.

Кашлял новый учитель Сергей Саныч.

Застывали чернила

у нас в классе.

И контрольный диктант
отменял завуч...

Я считал,

что не зря голосит ветер,

не случайно болит по утрам горло,

потому что остались на всем свете

лишь зима и война —

из времен года!

И хлестала пурга по земле крупно,

и дрожала река в ледяном гуде.

И продушины в окнах

цвели кругло,

будто в каждую кто-то всадил

пулю!..

И надела соседка

платок вдовий.

И стонала она допоздна-поздно...

Та зима была, будто война, —
долгой.

Вспоминаю

и даже сейчас мерзну.